

Ирина ИОНОВА

ТРУДЫ И.А. АНЦУПОВА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Требования к научному стилю сформулированы в любом учебнике по функциональной стилистике: точность, логичность, последовательность изложения, объективный (неличный) характер представления информации, неэмоциональность (бесстрастность) выражения. Следовательно, и это очень важно подчеркнуть в связи с замыслом данной статьи, научный стиль не предполагает авторской индивидуализации речи.

В книге, примерами из которой мы будем оперировать (Русское население Левобережного Поднепровья в конце XVIII-XIX вв. - Кишинев, 1996), есть безукоризненные, с точки зрения стиля, фрагменты, свидетельствующие, что автор прекрасно владел собственно технической научного изложения.

«... политика царского правительства по отношению к беглым (с разных направлений) носила компромиссный характер: была явно репрессивна, но присущие ей по самой ее природе консервативные и реакционные тенденции в силу требований государственной необходимости (и внутреннего, и внешнеполитического порядка) сочеталась с мерами, благоприятными для крестьян». (Стр. 23)

«Устойчивое, продолжительное пребывание некрасовцев на Днестре служит конкретным проявлением их стремления к возвратной эмиграции». (Стр. 57)

Такие строки могли быть написаны любым историком: личная позиция, отношение к фактам здесь не просматриваются совершенно.

Естественно, что разные науки реализуют принципы научного стиля в разной степени. Например, математику легко быть не только точным, но и абсолютно бесстрастным; неслучайно здесь можно обойтись без словесных средств выражения, одними символами и формулами.

Объект исторического исследования, в конечном счете, - это судьбы людей. А живущие в Молдове потомки «объектов» научного рассмотрения историка И.А. Анцупова в 90-е годы прошлого века оказались в

сложной социально-политической ситуации. Поэтому книга, которая по жанру является, несомненно, научной монографией, «рассчитана, - как подчеркивается в аннотации, - на специалистов-историков, а также широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым русского населения». Тщательно документированная фактология книги (как и других трудов И.А. Анцупова) давала аргументы для научных дискуссий. Однако актуальные материалы монографии необходимо было донести именно до широкого круга читателей, то есть фактически всего населения республики - и тех, кто в «святой простоте» называл своих русских сограждан «мигрантами» и «оккупантами» (нейтральное слово «русскоязычный» употреблялось как ругательное), и до неосведомленных или дезинформированных инициаторов «клеимления», и до русских людей, тоже не всегда осведомленных, но униженных свалившейся на них несправедливостью. А «широкие круги», как известно, не обладают навыками чтения образцового научного текста. Лексика, необходимая для характеристики этнической ситуации в республике, черпалась не со страниц научных трудов, а из речей на митингах и средств массовой информации. Об этом пишет И.А. Анцупов во вводной части своей монографии, прибегая к несвойственному для него публицистическому стилю. Приведем этот фрагмент целиком.

«Нельзя пройти мимо современной политической журналистики. При острых спорах об историческом прошлом русского народонаселения в Республике Молдова обостренное внимание к проблеме миграции проявляют сторонники «переписывания истории». Миграция русских крестьян, рабочих, интеллигенции истолковывается ими как акты вторжения, оккупации земель чуждыми людьми. Прослеживается стремление таких публицистов перечеркнуть историческую память о тех отдаленных исторических событиях. Путем преднамеренного вольного обращения с историческими фактами выхолащивается история, доминирует крайне упрощенное представление об исторических процессах. На страницах газет и журналов с определенным уклоном оспариваются этнические и государственные границы, настойчиво нагнетается проблема «коренных жителей», беззастенчиво передергивается содержание документальных источников или публикуются надуманные факты, не поддающиеся проверке.

В наше напряженное время изучение миграционных процессов является сугубо актуальной задачей ученых. Нужны достаточно надежные, объективные источники, доскональное знание фактов, историческое обоснование, научный подход и анализ исторических событий прошлого, «чистые руки» исследователей. Нужна достоверная история». (Стр. 13)

Очевидно, что И.А. Анцупов прекрасно владеет публицистическим стилем. Владеет – но не пользуется им. Его книга – это монография с элементами популяризации, которые и делают научный текст не только доступным, но и занимательным для «широкого читателя».

У книги есть «герой» (русское население) со своим характером, у книги есть «сюжет» (судьба этого населения). Отдельные эпизоды в этой судьбе выписаны прямо таки художественно. Например, Иван Антонович пишет, что в Очаковской области «первоначальные обитатели - крестьяне - умирали не от старости. Исключение составляли некоторые поднестровские села, принадлежавшие непосредственно крымскому хану. Проходили годы, и новые поселенцы оседали среди могил и развалин». (Стр. 44)

Такие художественные вкрапления не воспринимаются как стилистически чуждые, стилеразрушающие. Выразительные средства художественного стиля органично сочетаются с общекнижными и научными, создавая авторский, анцуповский стиль. Еще характерный пример: «Известную роль в возникновении волн бегства играл побочный фактор - слухи. Во-первых, в них фигурировала «райская земля», придуманный мир, о котором «очевидцы» отзывались с возвышенной похвалой. Во-вторых, по их рассказам, в тех привлекательных местах царили благополучие, довольство, свобода. Это очень впечатляло, будило преувеличенные надежды на реальное обретение этих мест в самом скором времени; надо только успеть». (Стр. 14)

Читатель монографии погружается в атмосферу описываемых событий благодаря местным словам - экзотизмам, а также историзмам, профессионализмам, которые автор при необходимости объясняет:

«Помещичьи и монастырские имения пользовались трудом царан, т.е. лично свободных крестьян...». (Стр. 9);

«Став *райлянами*, т.е. жителями турецких крепостных округов (райя), беглые чувствовали себя здесь свободными...». (Стр. 16)

Очевидно, что точность изложения без этих слов не пострадала бы. Сравните: «став жителями турецких крепостных округов, беглые чувствовали себя свободными». Однако они передают колорит места и времени, кроме того, расширяют кругозор читателя, и не только исторический, но и общекультурный. При слове «бурлаки» любой читатель мгновенно вспомнит картину Репина (по иллюстрации в школьном учебнике). После чтения монографии будет знать: «бурлаки» - это совершеннолетние несемейные одиночки.

Историзмы и профессионализмы, встреченные И.А. Анцуповым в документах, не всегда требуют объяснения, но они так колоритны, так образны, что ученый, похоже, просто не может отказать себе в удовольствии употребить их. Оказывается, огородников, выращивавших

чеснок, называли «чеснокарями». В селе Плоскове выращивали «грызовой» сорт подсолнечника - «на семечки» (добывать из него масло еще не научились). На взморье у Днестровского лимана вылавливали скумбрию («баламута»), отчего и заводы по переработке рыбы назывались «баламутными»). (Стр. 196)

Такие утраченные языком слова интересны для лингвиста и в семантическом, и в словообразовательном отношении, они будут украшением, изюминкой иллюстративного материала на лекциях или практических занятиях по лингвистическим дисциплинам.

Используя «забытые слова», И.А. Анцупов словно напоминает о богатстве русского языка, его наименовательных возможностях. От преследования бывшими помещиками и местной полицией оседлых беглых крестьян защищал брак с местной «жителькой». Предположим, что это украинизм: в современном украинском есть такое слово. Возможно, это намек на межнациональные браки, в значительной степени определяющие этническую специфику страны. А лингвист непременно заметит, что «жителька» - родовой коррелят к «житель», созданный по более древней и более продуктивной словообразовательной модели, чем слово современного русского языка («жительница»); сравним без учета семантических расхождений: «солдат» - «солдатка», «москвич» - «москвичка» и т.п.

Иногда создается впечатление, что автор отказывается от современных слов, предпочитая им архаические, от заимствованных - в пользу исконных. «Мелким крестьянским хозяйствам, - пишет И.А. Анцупов, - сподручнее были овцы простых, *многопользовательных* пород». (Стр. 109) Человек, менее чуткий к родному языку, написал бы «многоцелевых пород» или даже «полифункциональных». Употребленное же Иваном Антоновичем сложное прилагательное (вероятно, канцеляризм того времени) не только информативно, но и колоритно.

Вообще для И.А. Анцупова характерно стремление приблизить прошедшие времена к современному читателю, оживить и одушевить их, показать через слово реалии минувшего. Например, о рыбопромышленниках Вилково он пишет: «Термин «контора» вызывает ассоциацию со скоплением как бы прикованных к конторским столам чиновников. Все было наоборот: в этих очагах предпринимательства действовали энергичные деловые люди, а не столоначальники, писари и копиисты». (Стр. 193)

Особенностью авторской И.А. Анцупова можно считать употребление экспрессивных определений - эпитетов.

«Тяга к воле влекла в отдаленные уголки страны... Эта масса людей была очень подвижной, с *настойчивой* волей к жизни». (Стр. 14)

«Они (липоване - И.И.) пошли по скорбному пути, заплатив дорожную цену за свое конфессиональное своеобразие, много пережив на своем веку». (Стр. 37)

Такие определения воздействуют на эмоции читателя, заставляют его сопереживать «объекту научного исследования», как сопереживает ему автор. Нередко встречаются сдвоенные определения, которые и уточняют информацию, и усиливают экспрессию.

«... сюда *традиционными нелегкими* путями пробирались крестьяне и ремесленники-горожане из отдаленных мест». (Стр. 17)

«... русские крестьяне сталкивались с *сильной настойчивой* конкуренцией бывших немецких колонистов...» (Стр. 50)

Следует отметить, что для определения используются слова книжные, интеллектуальные, которые позволяют очень точно – и поэтому кратко - охарактеризовать понятие.

«В этой *тупиковой, архаической* суеверности бесследно исчезали талантливые люди...» (Стр. 36)

«Первопоселенцы... обзаводились хозяйством и начинали *прозаическую* жизнь в неведомом краю». (Стр. 41)

«... устройство переселенцев... проходило в условиях *символической* помощи государства». (Стр. 52)

«К этому надо прибавить политику *назойливого* «попечительства» Министерства государственных имуществ...» (Стр. 81)

В отношении И.А. Анцупова к функционально-стилевым ресурсам языка отчетливо прослеживается показательная закономерность. Говоря о судьбах народа, трудностях, которые приходилось преодолевать простым людям, о тяжелых условиях их жизни, он пользуется книжными, нередко даже высокими словами и оборотами речи. Ср. примеры, приведенные выше, и следующие.

«Во второй половине XVIII в. старообрядцы впадают в отчаяние... *стоически* переносили они тяжелые удары, преследования». (Стр. 27)

«Некрасовцы действовали размашисто, отличались на *ратном поле* в 1707-1708 гг.».

Говоря о неудачных действиях власти в отношении переселенцев, И.А. Анцупов как-то очень свободно и органично использует разговорную оценочную лексику.

«... организационные *накладки* в этих делах сохранились до конца 80-х гг.».

О крестьянских реформах в Румынии: «Но куда можно было пере-ехать? Опять власти действовали *невпопад*». (Стр. 52)

«Эту «перекачку» населения наиболее планомерно и настойчиво правительственные круги проводили в 80-х гг. XIX в.». (Стр. 54)

«Напомним, что ссуда русским и украинским государственным крестьянам на все потребности была определена в размере 23,5 руб. серебром на семью. Вот какие *перекосы* допускало царское правительство в денежном обеспечении иностранных и отечественных переселенцев».

«... рыбный промысел велся по принципу *«больше взять»*. (Стр. 163)

Особую экспрессию придают тексту фразеологизмы, иногда несколько трансформированные автором.

«... почти все жизненно важное для крестьян переселенческое дело было *пущено на самотек*». (Стр. 52)

«... особенно трудно было *«маленьким и стареньким»*. (Стр. 41)

«Русские люди столкнулись здесь со страшным бичом животноводства - эпизоотиями в таких масштабах, что можно *со счета сбиться*, определяя количество этих бедствий». (Стр. 42)

«... на дорогах черноземной полосы становилась такая распутица, что *«ни проехать, ни пройти»*». (Стр. 40)

В последних примерах стоит обратить внимание на следующее. Видимо, понимая иностилевой характер разговорных и образных средств языка, Иван Антонович иногда употребляет их в кавычках, словно несколько стесняясь своей эмоциональности.

Кавычки – знак коварный; многие авторы пользуются ими немотивированно. Однако вчитаемся в приведенные выше фрагменты. Очевидно, что у И.А. Анцупова «опасный знак» снимает стилевой диссонанс.

В целом же анализ текста монографии позволяет утверждать, что соединение в нем средств различных функциональных стилей - от строгих узкоспециальных терминов до экспрессивных разговорных единиц речи - не является стилеразрушающим, все это сочетается органично и выражает индивидуальность автора – как личности и ученого историка.

Здесь уместным будет отметить, что для популяризации научного изложения И.А. Анцупов не пользуется такими собственно писательскими приемами, как, например, метафора или художественное сравнение. Все-таки научный стиль - объективный и бесстрастный - не любит метафор. Не любит их и Иван Антонович. Его принцип - употребить слово стилистически окрашенное, равнодушно, но точно обозначающее понятие. Впрочем, несколько метафор в книге встречается. Похоже, Ивану Антоновичу нравился глагол «отпочковаться» в переносном (общезыковом) значении «выделиться из чего-либо целого». Он пишет, что от села Плоское *отпочковался* хутор Скиток, что группа селян *отпочковалась* от общины. О нелюбви к метафорам говорит, пожалуй, одна неправильность. Говоря о массовом переселе-

нии людей, И.А. Анцупов часто использует весьма подходящую для ситуации общезыковую метафору «волна» (а также связанные с ней: *прилив, отлив* населения). Однако эти слова для автора, видимо, не имеют образного смысла, и он пишет так: «*Вспышка новой волны бегства...*» (Стр. 23)

Очерк авторского стиля И.А. Анцупова будет неполным, если не обратить внимание на его синтаксис.

Неравнодушие к «объекту исследования» иногда выражается с помощью непрямого порядка слов в предложении: «К этому времени не осталось в Буджаке целины». (Стр. 108) Иногда автор сопровождает информацию сочувственным вопросом, словно предлагая читателю поставить себя на место того поселенца, возможно, предка: «... лишь некоторым удавалось привлечь к себе семьи. *Но как нелегально доставить жен, детей и родителей на большие расстояния, скажем, из Тамбовской, Орловской, Тульской и даже Костромской губерний?*» (Стр. 21).

Но, пожалуй, сугубо авторским, «анцуповским» способом нарушения беспристрастности научного изложения являются короткие эмоциональные резюме в виде предложений, словно оторванных от основного синтаксического каркаса.

«Исторический период, в который происходил ввод в хозяйственный оборот целинных земель, был сложным и изменчивым, что требовало от переселенцев не только большого напряжения сил, но и нестигаемой воли. *А рассчитывать приходилось только на свои силы.*» (Стр. 9)

Отношение И.А. Анцупова к переселенцам XVIII-XIX вв. выражается не только косвенно, использованием представленных выше языковых средств, но и прямой оценкой того, что сделали эти люди, их вклада в развитие означенных в названии книги земель. «... это, - пишет И.А. Анцупов, - не что иное, как повседневный, будничны́й, трудный и маловознагражденный подвиг русских, украинских, болгарских, гагаузских крестьян». (Стр. 86). И – на следующей странице: «... некрикливый, будничны́й подвиг людей земли еще ждет своих историков».

Это как раз один из тех нечастых случаев, когда ученый позволяет себе стать публицистом и открыто заявить о собственной гражданской позиции.

У Иосифа Бродского есть стихотворение с такими строками:

От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.

«Часть речи», оставленная нам И.А. Анцуповым, - основательна, актуальна и внятна.